

Ма Сяоди

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. РАСПУТИНА

Статья посвящена фольклорным традициям в творчестве В. Г. Распутина, которые рассматриваются не только как стиливая особенность произведений, но и в связи с философско-этическими и мировоззренческими позициями писателя. Анализируется влияние народного творчества и языка на формирование авторской концепции мира и человека и художественное воплощение актуальной проблематики. Особое внимание уделяется авторскому повествованию. В ходе анализа текста выявляется православная основа народного миропонимания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 86-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

8. Луман Н. Реальность массмедиа [Электронный ресурс]. URL: http://socioline.ru/files/5/84/luman_realnost_massmedia_0.pdf (дата обращения: 30.05.2014).
9. Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. 224 с.
10. Парамонов О. Без Google Reader: чем заменить незаменимый сервис Google, что теперь делать и кто в этом виноват [Электронный ресурс]. URL: <http://www.computerra.ru/59468/google-reader/> (дата обращения: 30.05.2014).
11. Поиск в Facebook: обещает ответы, порождает вопросы [Электронный ресурс]. URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/18063 (дата обращения: 30.05.2014).
12. Почему Google закрывает Reader? Он никогда не приносил дохода [Электронный ресурс]. URL: http://www.searchengines.ru/seoblog/pochemu_google_close.html (дата обращения: 30.05.2014).
13. Почему Google решил закрыть Google Reader или насколько популярен RSS? [Электронный ресурс]. URL: <http://habrahabr.ru/company/roem/blog/172673/> (дата обращения: 30.05.2014).
14. Battell J. Who Owns the Right to Filter Your Feed? [Электронный ресурс]. URL: <http://battellemedia.com/archives/2013/03/who-owns-the-right-to-filter-your-feed.php> (дата обращения: 30.05.2014).
15. Ducey R. What's Next in Consumer Media [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psaresearch.com/cafi021.html> (дата обращения: 30.05.2014).
16. Facebook разрабатывает свою версию Google Reader [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2013/06/24/n_2993657.shtml (дата обращения: 30.05.2014).
17. Google Reader и PostRank [Электронный ресурс]. URL: <http://apple-iphone.net.ru/news/2010-09-01-866> (дата обращения: 30.05.2014).

FROM RSS TO SOCIAL NETWORKS: POSSIBILITIES OF RADIO

Litvinenko Irina Vladimirovna

M. V. Lomonosov Moscow State University

myauchernot@mail.ru

Problem of information overload becomes more topical in proportion to growth of users' involvement in the Internet. Often the really important news appears to be out of view of the readers even under careful monitoring. The users expect that the chosen resources will be convenient; they don't want to experience difficulties coming across an unorganized stream of information. In the article the author raises a problem of ranking the user's news feed and makes a conclusion about the necessity for sorting out the content depending on its social value.

Key words and phrases: Internet; broadcasting; social networks; RSS; Google Reader.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена фольклорным традициям в творчестве В. Г. Распутина, которые рассматриваются не только как стилевая особенность произведений, но и в связи с философско-этическими и мировоззренческими позициями писателя. Анализируется влияние народного творчества и языка на формирование авторской концепции мира и человека и художественное воплощение актуальной проблематики. Особое внимание уделяется авторскому повествованию. В ходе анализа текста выявляется православная основа народного миропонимания.

Ключевые слова и фразы: творчество В. Г. Распутина; фольклорные традиции; народный язык; жанр; мифопоэтика.

Ма Сяоди

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

maxiaodi@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. РАСПУТИНА[©]

Взаимосвязь литературы с народным творчеством является актуальной проблемой современного литературоведения. Фольклорную традицию следует рассматривать не только как стилевую особенность творчества современного писателя, но главным образом в связи с его философско-этическими, мировоззренческими позициями. Безусловно влияние указанной традиции на формирование писательской концепции мира и человека, художественную интерпретацию национальной жизни, народного характера и судьбы.

В. Г. Распутин с самого начала своего творческого пути обозначил народную жизнь, народный характер как главный предмет художественного исследования. Чуткое внимание к нравственным и духовным основам крестьянства, мифопоэтическим представлениям, отразившим целостное восприятие крестьянином окружающего мира, характерно для представителей «деревенской», или «онтологической», прозы – литературного направления, к которому принадлежит писатель. Интерес к национальному прошлому, традициям

народной жизни, вопреки высказывавшимся в критике упрекам в пристрастии к архаике, способствовал острой актуальности проблематики распутинского творчества. Благодаря указанным особенностям произведения В. Распутина отличаются «пророческим» характером, что неоднократно отмечалось в литературоведческих трудах. Важно, что писатель, используя фольклорную традицию, обращается к уникальной исторической памяти народа, так что история развития нации, ее самосознания предстает в художественном тексте.

Анализ текстов произведений В. Г. Распутина, принадлежащих разным периодам его творчества, позволит осмыслить восприятие фольклорных традиций как важный источник писательской самобытности и опору в постижении автором народного миропонимания.

Фольклорная традиция органично входит в созданный писателем художественный мир на разных его уровнях: жанровом (миф, сказка, легенда, предание, притча, песня, а также загадка, пословица, поговорка и т. д.), стилевом, в сфере поэтики. Особенностью авторского повествования, к примеру, является то, что в нем, как и в речи персонажей, старых людей, часто используются пословицы, поговорки, диалектные слова. Тем самым достигается ощущение близости автора к своим героям, крестьянская жизнь показана «изнутри». Так, например, писатель в повести «Прощание с Матерой» использует фразеологизмы: «А постоянно оставались теперь в Матере только старики и старухи, они смотрели за огородом и домом, ходили за скотиной, возились с ребятишками и домом...» [6, т. 1, с. 4]. В данном контексте «ходить за скотиной» обозначает занятие подсобным хозяйством, ухаживание за домашними животными. Сокращение дистанции между автором и персонажами позволяет создать достоверную картину повседневного деревенского быта. А главные герои повести, старики и старухи, выделяются на этом фоне традиционностью, простотой, добротой и другими высокими нравственными достоинствами.

Использование несобственно-прямой речи также не только традиционно служит психологической характеристике персонажей, но и способствует погружению читателя в народный мир. Авторское повествование воспроизводит живое звучание разговорной речи персонажей, благодаря чему повышается и эмоциональный градус текста, а использование пословиц и поговорок позволяет передать особенности крестьянского мировосприятия: «В последние годы лето и осень как бы менялись местами: в июне, в июле льют дожди, а потом до самого Покрова стоит красное ведро, которое и хорошо, что ведро, да плохо, что не в свое время. Вот и гадай теперь бабы, когда копать картошку... Если подождать, вдруг опять зарядит ненастье – попробуй ее потом из грязи выколупывать. И хочется и колется, никто не знает, где найдешь, где потеряешь» [Там же, с. 322]. Так, в повести «Последний срок» обозначена тревожная зыбкость времени событий, предшествующих смерти старухи Анны, и погодная аномалия не только соотносена с искажениями в отношениях родных людей, но и обусловлена варварским отношением человека к природе: «Люди говорят, что это от морей, которых понаделали чуть не на каждой реке» [Там же, с. 323].

В начале повести «Живи и помни» с помощью народной этимологии приоткрывается история деревни Атамановки: «Когда-то в старые годы здешние мужички не брезговали одним тихим и прибыльным промыслом: проверяли идущих с Лены золотишников» [Там же, с. 109-110]. Ее старое название Разбойниково, укоренившееся в сознании «местного народа», придает особый легендарный колорит экспозиционной части произведения с трагическим сюжетом. В повести «Прощание с Матерой» воспроизведен даже «процесс» наименования соседнего острова Подмоги (или Подноги): «Подмога – понятно: то, чего не хватало на своей земле, брали здесь, а почему Поднога – ни одна душа бы не объяснила, а теперь не объяснит и подавно. Вывалил споткнувшийся чей-то язык, и пошло, а языку, известно, чем чудней, тем милей» [Там же, т. 2, с. 4]. Традиционный крестьянский мир предстает обжитым пространством, большим домом, хранящим историческую память.

В повести «Прощание с Матерой» наряду с фабульным планом, связанным с переселением деревенских жителей в береговой поселок, разворачивается мифопоэтический план повествования, создающий образ гармоничного мира. Сказочно-поэтическое преобразование действительности совершается с помощью несобственно-прямой речи, внутренних монологов героини, старухи Дарьи, примет, поверий, легенд, преданий, границы которых «размыты», что создает удивительный эффект времени, замершего в преддверии неизбежной гибели Матеры.

В главе шестой разворачивается поэтичная картина одушевленного ночного мира, восходящая к архаическому фольклору, в центре которой – сказочный образ фантастического зверька, Хозяина острова. Сюжетообразующий мотив прощания приобретает в этом описании характер предчувствия всемирной катастрофы. «Хозяин любил прислушиваться к этому нутряному, струйному звучанию текущей реки... Оно возносило его к вечности, к раз и навсегда заведенному порядку, но Хозяин знал, что скоро оно оборвется и будет здесь, над заглохшей водой, гулять только ветер» [Там же, с. 48]. Рассказывая о трагической судьбе острова Матеры, Распутин использует много народных мифов и архетипов, связанных не только с христианским миропониманием, но и коренящихся в языческой древности, выражающих отношения внутри крестьянского мира и правила выживания крестьян. Эти элементы выполняют и символические функции, метафорично выражают художественную идею.

В образной структуре распутинских произведений органична «встреча» элементов фольклорной архаики и христианских мотивов. Уже в первом описании одушевленного острова возникает библейская тема Великого Потопа: «Но от края до края, от берега до берега хватало в ней и раздолья, и богатства, и красоты, и дикости, и всякой твари по паре – не потому ли и назвалась громким именем Матера?» [Там же, с. 33]. Затопление острова напрямую связано с нравственным осуждением людей, с тем, что «ночце свет пополам переломился» [Там же, с. 26], по словам Дарьи. Трагедия Матеры приобретает, таким образом, онтологический подтекст.

Если образ Матеры создается в обрамлении мифопоэтической образности, легенд и преданий (Хозяин острова, царский Лиственень, напоминающий «пастуха, несущего древнюю сторожевую службу», «стонущие» в тоске избы, предания о «русалочьем муже» Проне, о несчастной Паше, об основании купцом церкви и т.д., да и само представление о том, что на острове – две деревни: одна – деревня живых, а другая – тех, что «под крестами»), то описание «неуютного и неопрятного», «бивуачного типа» поселка, куда переселились жители с затопленного острова в повести «Пожар», не случайно начинается с висящей в «посовете» (поселковом совете) схемы: «...прямые улицы, детсад, школа, почта, контора леспромхоза и контора лесхоза, клуб, магазины, гараж, водоканал, пекарня – все, что полагается для нормальной жизни, все, как у людей» [Там же, с. 199]. Подорванность жизненных основ метафорически выявляется в нереальности обозначенного на «схеме»: «детсад не действует», а клуб «уже двадцать лет размещается в общественной бане» [Там же, с. 199-201].

Совестливый герой повести наделен эстетическим восприятием мира, рефлексия его обнаруживает черты народно-поэтического сознания, в этом Иван Петрович противопоставлен «плоскому», как на «схеме», «без-Образному» миру, в котором хозяйничают «архаровцы»: «...он не сворачивал с правды и дела. И разве не важно для них оставаться в границах, какими они были предоставлены человеку? Правда – это река, ложе которой выстелено твердым камнем и берега которой в отчетливых песчаной и каменной линиях, река с чистой и устремленной вперед водой, а не подпертая масса с гуляющим уровнем гниющей жидкости, с хлябками и подмытыми берегами. Правда проистекает из самой природы, ни общим мнением, ни указом поправить ее нельзя. Так почему же тогда он, живущий по несворачиваемой правде, вступил в войну не только с другими, кто ее не хочет или принимает только наполовину, но и с самим собой?» [Там же, с. 224]. Отраженное в несобственно-прямой речи самосознание героя – главный предмет художественного исследования, и глубоко символичен в свете этого финал произведения, в котором мифопоэтический подтекст выявлен с помощью архетипа «земля»: «Они, люди живые, отрядят, кого куда отпустить, но ей, земле решать, ей, вынашивающей правых и виноватых, своих и чужих, собственным правом судить, что потом из кого выйдет» [Там же, с. 251]. В отношении Ивана Петровича к земле можно усмотреть проявление соборного чувства, «подключающего» к заботам сегодняшним память об ушедших и тревогу о будущем. Отсюда и восприятие окружающего природного мира как живого существа, запечатлевшееся в фольклоре и обнаруживающееся в сознании героя, современного человека.

Архетип «река» важен для понимания происходящего в душе героини повести «Дочь Ивана, мать Ивана». «"Все Ангарой пронесет – и детство, и старость, и радость, и горе", – философски изрекалось у них в деревне» [5, с. 366], и авторское повествование продолжает развивать эту образность: «И жизнь пронесила, и долю намывала новую, и такие сказки по камешкам насаживала, пока была проточная вода, что только дивуясь» [Там же]. В душе Тамары Ивановны часто звучит народная песня, как река, «сама собой натекающая под легким наклоном» [Там же, с. 367]. Здесь метафорический образ дает представление о присущей героине силе народного характера. Меняющиеся в разных жизненных ситуациях слова одной и той же песни «притаенного голоса» отражают и перемены внутреннего состояния Тамары Ивановны: радость, печаль, возникающую надежду, а традиционный припев – «Ой люли...» – воспринимается ею как «баюкающий». Анализ текста позволяет сделать вывод о композиционной роли реализованной метафоры реки:

*Тихая, тихая
Реченька текла.
Дождика, дождика
Много набрала.
Ой люли, ой люли,
Речка, не бурли.
Воду свою светлую
Не му-ти [Там же, с. 361-362].*

*Легкая, легкая
Лодочка плыла.
Горькие слезы я
В лодочке лила.
Ой люли, ой люли,
Сердце, не слези,
Долю мою счастную
Не спо-ни [Там же, с. 367].*

Образный строй песни противопоставляет также метафорически выраженному ощущению распавшегося, разоренного мира – точка зрения героини и автора совмещаются в описании воображаемых руин, обломков «недавнего прочного мира», однако «вдруг картина менялась и руины получали осмысленное построение, выстраивались в незнакомый, но все-таки порядок, по крайней мере, в очередь к порядку, и казалось, что надо только перетерпеть это страшное время, охранить детей и собственные души – устроится же когда-нибудь жизнь, не может не устроиться» [Там же, с. 368].

Песня Деминой подруги Егорьевны схожа с народной, которая вспоминается Тамаре, по форме, с характерными повторами, образностью, интонациями:

Голова ль моя, головушка!
До чего ты довела —
Говорили раньше: вдово-овушка,
Говорят теперь: вдова-а [Там же, с. 450].
Совушка-вдовушка,
Где же ты летала?
Или над могилкою
Сладко ты рыдала [Там же, с. 452]?

В диалоге с мужем она скажет, что сама ее сочинила, и признается: «Я в молодости дура душой была, песню принимала за забаву, я только недавно и поняла, какая в ней радость» [Там же, с. 450]. Интересно, что в этой песне-импровизации используется контаминация мотивов и образов, допустимая в народном творчестве, но порой создающая необычные и трудно поддающиеся расшифровке сочетания [1, с. 193-196], и эмоциональные пояснения исполнительницы к своему созданию способствуют характеристике ее неординарной личности.

В повести также используются сказочные мотивы, ими, например, окрашены воспоминания Тамары о детстве дочери, что как нельзя лучше раскрывает самую суть юного человека, растерявшегося перед искажениями реальной жизни: «Светка росла слезливой, мягкой, как воск, любила приласкаться, засыпать у матери на руках, сказки позволяла читать только нестрашные, и не про детей, подвергавшихся колдовской силе, не про брата Иванушку и сестрицу Аленушку, о судьбе которых начинала страдать заранее, прижимаясь к матери, а про козляток да поросенок» [5, с. 374]. Драматизм упоминаемых сказочных сюжетов воспринимается как пророческий, соотносенный с будущей судьбой брата и сестры и особым образом акцентирующий внимание на детской теме в контексте происходящих в обществе изменений.

Наконец, сюжетной основой рассказа «Новая профессия» является само создание художником-импровизатором произведения в фольклорном жанре притчи, восходящей к текстам Священного писания и по определению тяготеющей к «глубинной — премудрости» религиозного или моралистического порядка» [7, с. 323]. В. Е. Хализев относит притчу к жанровой группе, где «человек соотносится не столько с жизнью общества, сколько с космическими началами, универсальными законами миропорядка и высшими силами бытия» [Там же]. Центральное место в композиции рассказа «Новая профессия» занимает «то ли сказка, то ли притча» [6, т. 2, с. 558] о решении Господа удовлетворить просьбы женщин и дать всем по их желанию красоту внешности. Необычность для жанра пародийно-шутливой экспозиции — заседание совета в небесной канцелярии — поддержана в развязке народной поговоркой в реплике Господа: «Всем сестрам по серьгам» [Там же, с. 562]. Особая ситуация вдохновенного импровизационного исполнения притчи не способствует развитию сюжета, наоборот, как и в других произведениях, введение легендарного (притчевого) элемента «подавляет» его. Писатель использует такого рода прием, чтобы построить крайне напряженную кульминационную сцену, а повествование о драматичной жизненной истории героя — импровизатора, описание свадебного действия, благодаря которым дана характеристика социокультурного контекста времени, резко контрастируют с высоким пророческим смыслом, заключенным в притче. Дидактический смысл «картины печальной, взыскующей и неразгаданной» [Там же, с. 558] выявляется в конце: красота, столь желанная для женщин, может быть, поможет им «удержать возле себя любовь», и, хотя это «всего десять капель» от той, «которая заповедовалась две тысячи лет назад» [Там же, с. 562], в ней последняя надежда. Апостасийным силам способна противостоять лишь любовь. Таким образом, выявляется высокий пророческий смысл монолога Алеши, стилизованного под народные легенды апокрифического характера. Рассказ «Новая профессия» интересен и самим образом импровизатора, благодаря которому произведение можно рассмотреть и как «попытку осветить фольклорный процесс не с позиций анализа его итогов, его конечного результата, а с позиций постижения творческого процесса в протекании» [5, с. 133].

Разные стороны народной жизни, верований, обычаев, ритуалов находят отражение в творчестве В. Распутина, они играют большую роль в выявлении специфики народного миропонимания и этического кодекса. Интерес представляет вопрос о бытовании различных табу, обрядов в народной среде и художественной интерпретации этого явления в творчестве писателя.

В произведениях В. Распутина не раз возникает философски осмысляемая тема смерти и связанный с ней мотив прощания, похорон. Используемые при этом элементы обряда, традиции надгробного плача, причитания способствуют раскрытию народной психологии, связи поколений. Так, в повести «Последний срок» старуха Анна учит дочь Варвару искусству похоронного причитания, продолжая старинную традицию и тем самым как бы завещая хранить порядок жизни: «Тепери ни ребенка ко сну укачать, ни человека в могилу проводить — ничё не умеют. Одна надежда на тебя» [6, т. 1, с. 471]. Ведь именно то, что нарушен порядок, строй жизни, заставляет страдать старую женщину перед кончиной, и разлад, как показывает писатель, коснулся душ самых близких людей — собственных детей. Скорбный и поэтический народный причет, который, стараясь запомнить, повторяет за матерью дочь, услышали, войдя в комнату, взрослые дети: «Они прислушались и различили слова — ласковые, безнадежные и в то же время как бы вывернутые наизнанку слова, имеющие обратный и единственный смысл:

Отходила ты у нас полы дубовые,
Отсидела лавочки брусчатые,
Отсмотрела окошечки стекольчатые,
Ты, лебедушка моя, родима матушка.

– Что это у вас тут происходит? – громко и насмешливо спросила Люся. – Что за концерт? Варвара и старуха враз смолкли» [Там же, с. 474]. В этом эпизоде благодаря столкновению образного поэтического народного слова с отстраненно-ироническими риторическими вопросами выявляется не только легкомысленно-поверхностное отношение современного «цивилизованного» человека к смерти, но и утраченное им органичное для народного сознания понимание высшего смысла бытия. Ощущение значительности происходящего со старухой недоступно ее детям.

И в рассказе «В ту же землю», где сюжет развивается вокруг тайных похорон старухи, так же, как и в повести, в ситуации повседневной житейской суеты и людского равнодушия, общего распада жизни являет себя вечная тайна смерти. Стилистика авторского повествования обнаруживает связь с образностью не только народной речи, но и духовных стихов: гроб, приготовленный для умершей Анны Егоровны, назван «домовиной», «обителью бренности» и «теплоприимной обителью», воспринимается он как «нечто, явившееся по высочайшей воле, огромное, важное, заполнившее не одну лишь квартиру, но весь дом» [Там же, т. 2, с. 525]. Важно то впечатление, которое получает девочка-подросток от происходящего: «Не бездыханно лежала Аксинья Егоровна перед Танькой, а стояла, как и она, в раме выходной двери, обернувшись всем телом для прощания. Сколько потом придется пытать себя – всю жизнь! – чтобы понять то обосветное, что говорилось ею» [Там же, с. 526]. Авторский неологизм («обосветное») создан в духе народных, христианских представлений о свете «этом» и «том» и лаконично и точно выражает авторскую идею рассказа «социального, но о сиюминутном и вечном одновременно» [2, с. 220].

Православная основа народного миропонимания и самосознания выявляется в творчестве В. Распутина в связи с проблематикой нравственной и остро социальной, традиция рассматривается в тесной связи с актуальными проблемами жизни общества. В произведениях писателя при трудных моментах герои обращаются к Богу за помощью. «Духовная жизнь человека опредмечивается не только в его производственно-материальной деятельности, не только в социально значимых действиях, не только во внешних (материализованных) проявлениях его характера (именно эти линии создания и восприятия художественного образа и находятся в центре внимания литературной критики). В такой же мере духовность опредмечивается в речевых поступках человека, языковом его поведении, т.е. в широком смысле – в текстах, им порождаемых» [3, с. 69-70].

Речь персонажей в произведениях В. Распутина отражает народную мудрость и национальную культуру: «...к нам вместе с родовым языком является чувство обретенности и глубины... Язык вмещает в себе все: и характер народный, и опыт, и историю, и философию, и верования, и чаяния, и тяготы на долгом пути. И духовное здоровье нации, нравственное ее состояние прежде всего замечаются народным языком» [4, с. 496]. Именно этим, а также стремлением автора представить народный мир в полноте, достоверности художественного воспроизведения и поэтическом обаянии объясняется включение народной речи и традиций народного творчества в художественный текст.

Список литературы

1. Аникин В. П. Теория фольклора: курс лекций. М.: КДУ, 2007. 432 с.
2. Зайцев В. А., Герасименко А. П. История русской литературы второй половины XX века. М.: Высшая школа, 2004. 455 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Распутин В. Г. В поисках берега. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 528 с.
5. Распутин В. Г. Деньги для Марии: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2004. 736 с.
6. Распутин В. Г. Собрание сочинений: в 2-х т. Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2001. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 640 с.
7. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.

FOLKLORIC TRADITIONS IN THE CREATIVE WORK OF V. G. RASPUTIN

Ma Syaodi

*M. V. Lomonosov Moscow State University
maxiaodi@mail.ru*

The article is devoted to the folkloric traditions in the creative work of V. G. Rasputin, which are considered not only as a stylistic peculiarity of the works of literature but also in relation to the philosophical and ethical and worldview conceptions of the writer. The paper analyzes the influence of folk art and language on the formation of author's original conception of a universe and a human being and artistic implementation of the topical agenda. The special attention is paid to the author's narration. Analysis of the text results in the identification of an Orthodox basis of the folk world outlook.

Key words and phrases: creative work of V. G. Rasputin; folkloric traditions; folk language; genre; mythopoetics.